

Бездна между нами

Автор:

Тахира Мафи

Бездна между нами

Тахира Мафи

Любовь, звезды и все-все-все

Шестнадцатилетняя Ширин отличается от своих сверстниц только одним – она носит хиджаб. И этого вполне достаточно, чтобы бросать ей едкие замечания и колючие взгляды, превращая умную, талантливую и яркую девушку в изгоя. Все, что Ширин может сделать, – возвести вокруг себя высокие стены, отгородившись от окружающих... По крайней мере до тех пор, пока в ее жизни не появляется Оушен, звезда баскетбольной команды, любимец всей школы. И кажется, он действительно интересуется Ширин и хочет узнать ее лучше. Но сможет ли она вновь научиться доверять людям и впускать их в свою жизнь? Или их еще не начавшиеся отношения обречены на провал и непонимание со стороны семьи и друзей?

Тахира Мафи

Бездна между нами

Tahereh Mafi

A Very Large Expanse of Sea

© Tahereh Mafi, 2018

© Школа перевода В. Баканова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

* * *

Глава 1

Конца нашим переездам не было, а сами переезды предпринимались родителями с единственной целью – изменить жизнь к лучшему. Эдакие удары хлыста, только не по телу, а по эмоциям. Не успеваешь сообразить. Не успеваешь, фигурально говоря, втянуть голову в плечи. Названия школ перепутались, частично испарились из памяти. Пока речь шла о начальной и средней школе, я держалась. Но на сей раз мне предстояло поступить в третью по счету старшую школу. Честное слово, лучше смерть. Бешенство накапливалось, бродило во мне, набухало. Я думала: только бы вытерпеть, не разомкнуть губ, не выдать чувств – не то меня надвое разорвет.

Потому и молчала.

Заканчивался август. Зной убывал, временами налетал ветерок. Я оказалась среди хрустких от крахмала рюкзаков, среди ровесников в жестких джинсах. Ровесники пахли теплым пластиком и казались довольными жизнью.

Я вздохнула и заперла шкафчик.

Начинался очередной первый-день-в-новой-школе-нового-города. Для таких случаев у меня была разработана программа: ни на кого не смотреть. Меня-то саму взгляды постоянно сопровождали; если я поднимала глаза, глядевший считал, что имеет право со мной заговорить. Практически во всех случаях говорили гадость или глупость (часто и то и другое). Я давно решила: проще делать вид, что окружающих не существует.

Первые три урока я умудрилась высидеть без существенных инцидентов, хотя единственной проблемой на тот момент было ориентирование в школе. На четвертый урок пришлось тащиться в другой корпус. Я пыталась вычислить местонахождение кабинета, вычеркивала номера в новеньком расписании, когда раздался звонок. Толпа самоликвидировалась, я вдруг осталась одна в пустом коридоре. Пальцы сами собой скомкали расписание.

Кабинет я все-таки отыскала. С опозданием на семь минут. Толкнула дверь, увидела, как на скрип повернулись все до единого ученики. Учитель застыл с открытым ртом, с выражением лица, не успевшим трансформироваться в откровенную досаду.

Уставился на меня.

Я отвела взгляд и поспешила сесть на ближайший свободный стул. Достала тетрадку. Вцепилась в карандаш, как в соломинку. Я едва дышала. Когда они отвернутся наконец, когда учитель продолжит уже разглагольствовать?

Внезапно он кашлянул и заговорил:

– Итак, повторю: наша с вами программа предполагает изрядные объемы к самостоятельному прочтению, и у тех, кто недавно в нашей школе... – он сделал паузу, заглянул в список учеников, – эти объемы, да и насыщенность учебного плана в целом могут вызвать известные затруднения. – Он замолчал, словно колеблясь. Вчитался в список. И без перехода выдал: – Прошу меня извинить, если я ошибусь в произношении. Твое имя – Шэрон?

Он смотрел мне прямо в глаза.

– Нет. Ширин, – ответила я.

Снова все обернулись ко мне.

Мистер Веббер – так его обозначили в расписании – не потрудился произнести мое имя правильно, только бросил:

– А. Добро пожаловать.

Я не ответила.

– Надеюсь, – он опять заговорил с улыбкой, – ты понимаешь, что в этом классе английский язык и литература преподаются на высшем из трех возможных уровней?[1 - Старшеклассники в США сами выбирают уровень изучения предметов. Один и тот же учащийся может, допустим, посещать занятия по математике по упрощенной программе, а занятия по химии – по программе углубленного изучения. Понятия «класс как коллектив» не существует, на всех уроках состав учащихся разный, в том числе и по возрасту. – Здесь и далее примеч. пер.]

Ну и как реагировать? Какого ответа он ждет – и ждет ли вообще? Я ограничилась простым «да».

Мистер Веббер кивнул и усмехнулся:

– Милая, похоже, ты классом ошиблась.

Хорошо было бы сказать: «Я вам не милая. И вообще, не судите по внешнему виду». Однако я проговорила только:

– Нет, не ошиблась.

И протянула смятое расписание.

Мистер Веббер качнул головой. Усмешка его никуда не делась.

– Не переживай, ты не виновата. С новичками такое случается сплошь и рядом. Кабинет английского для иммигрантов находится на первом...

– Я по адресу попала, мистер Веббер. По адресу.

Прозвучало резче, чем мне хотелось. Но я постоянно попадала в похожие ситуации.

Можно говорить вообще без акцента. Можно повторять как попугай: я родилась в Америке, английский – мой родной язык, иранские родственники смеются над

моим неуклюжим фарси, над моими американскими интонациями... Толку – ноль. Всем почему-то кажется, что я вчера высадилась из лодки, которая через шторма и волны доставила к благословенным берегам очередную партию беженцев.

Усмешка наконец-то сползла с его физиономии.

– Вот как. О'кей.

Вокруг захихикали. Я покраснела. Открыла наугад чистую тетрадь. Может, этот жест – переход к учебному процессу – и впрямь отвлечет от меня внимание?

Не отвлек. Мистер Веббер поднял руки, будто взывал ко мне.

– Послушай меня, милочка. Лично я – как учитель – совсем не против, чтобы ты осталась в моем классе. Но пойми: здесь будет читаться курс для продвинутых учащихся. Не сомневаюсь, что ты и в самом деле свободно говоришь по-английски...

– По-английски я говорю не просто свободно, а охренеть до чего свободно.

Остаток урока я провела в директорском кабинете.

Выслушала немало интересного о том, какого поведения ждут здешние преподаватели от своих студентов. Уяснила: буду «враждебно настроенной» и «несговорчивой» – придется мне искать другую школу. Узнала: использовать жаргонные и ругательные выражения в классе строго запрещено. Директор меня отчитывал до самого звонка. Потом наконец-то отпустил. Я схватила рюкзак и выскочила из кабинета как ошпаренная.

А вот спешить мне было некуда. Где бы укрыться? Оставалось еще два урока, а лимит терпения на сегодня я исчерпала.

С подносом, на котором громоздился ланч, я заперлась в туалетной кабинке. Села на унитаз, поднос разместила на коленях, голову стиснула ладонями. Зажужжал телефон.

Сообщение от брата.

Ты что делаешь?

Ем.

Черт. Где? Где ты спряталась?

В туалете.

Зачем?!

А что еще делать целых 37 минут?

Смотреть на людей?

Брат посоветовал мне прекратить валять дурака, а еще написал, что он тут кое с кем успел подружиться и они ждут меня, чтобы поесть всем вместе. Понятно: на брата запали несколько девчонок. Что красота значит.

Я написала:

Нет, спасибо.

Затолкала поднос с ланчем в мусорку. Остаток большой перемены провела в библиотеке.

Брат старше меня на два года. Почти все время мы с ним попадаем в одну школу. Только брат воспринимает наши переезды спокойно; как правило, ему на новом месте комфортно, не то что мне. Между нами два огромных отличия. Во-первых, мой брат очень хорош собой; во-вторых, у него на лбу не написано

неоновыми буквами: «ОСТОРОЖНО: ТЕРРОРИСТ!»

И да – девчонки за ним бегают толпами с пискom: «Ах, этот новенький – такой красавчик!» С чуть ли не героическим прошлым и легкопроизносимым, хоть и непонятным именем. За такого бойфренда можно посоперничать с подругами. На таком хорошо оттачивать коготки. С таким протест против родительской опеки получает особую изюминку. Вот почему я, родная сестра, ну никак не могла пойти обедать с братом. Я пыталась контактировать, честно. Появлялась в его компании – хвост поджат, воспаленное чувство собственного достоинства за плечами топорщится и саднит. На пятой секунде понимала, что новые подружки брата милы со мной по одной-единственной причине: каждая хочет через меня подобраться к нему.

Лучше обедать в туалете.

Я убеждала себя, что мне параллельно. На самом деле это было не так.

Роковой выпуск новостей перекрыл мне кислород. Одиннадцатое сентября случилось прошлой осенью, через две недели после начала учебного года. Еще две недели спустя на меня напали двое, когда я возвращалась из школы домой. Хуже нападения как такового было вот что: я далеко не сразу поняла причину. Несколько дней мне казалось, что причина какая-то сложносочиненная, глубинная. А вышло просто. Обычная ненависть, неразбавленная, слепая. Только и всего. Имелся бы какой-то внятный мотив – так нет. Двое последовали за мной, попытались udавить меня моим же шарфом. В голове не укладывалось, за что.

А просто так. Как я ни гнала такое объяснение, оно было единственно правильным.

От нашего последнего переезда я многого не ждала. А все-таки гадко – обнаружить, что новая школа не лучше прежней. Что ничего не лучше. Такой же тесный городишко, где население наблюдает арабские лица исключительно в теленовостях. Тьфу. Снова несколько выматывающих одиноких месяцев потребуется на то, чтобы освоиться в новой школе; на то, чтобы новые соученики поняли – я не представляю опасности, не несу угрозы. Снова предпринимать усилия, несоразмерные результату (всячески выказывать дружелюбие, и, глядишь, найдется бесстрашная душа, рискнет сесть со мной в классе или в столовой, у всех на виду). Знаю, проходила. Школы разные, а везде

одно и то же, хоть головой об стену бейся. Надоело. Лучше стать незаметной. Входить в помещение и не чувствовать, что на тебя пялятся, – вот счастье. Впрочем, одного взгляда на многолюдный кампус хватило, чтобы уяснить: не сложится. Здесь снова не сложится.

Потому что эти две тысячи старшеклассников – сплошные баскетбольные фанаты. Куда ни глянь, напорешься на постер; а над входом и вовсе баннер красуется, славит команду, которая в этом сезоне еще даже не играла. По стенам огромные цифры – обратный отсчет. Все, все следите, помните ежесекундно, сколько дней осталось до первого матча.

А я баскетболом вот нисколечко не интересовалась.

У меня была своя арифметика. Я подсчитывала оскорбления. Сегодня уже четырнадцать штук насчитала. До сих пор ни на одно не сорвалась. Молодчина. Теперь бы добраться до следующего кабинета...

– Эй, ты! У тебя что, бомба под полотенцем?

Не реагируем. Идем дальше.

– Да какая бомба! Просто она лысая, потому и тряпку носит!

– Черта с два! Она пацан! Телкой прикидывается, в этом все дело!

– Вы, уроды! Пасти свои тухлые заткнули!

Вот и не выдержала. Трое заржали, громко поздравляя друг друга. Ну конечно, они ведь этого всплеска и добивались. Кто они, что? они – я не видела. Специально не смотрела им в рожи. В голове крутилось: «Семнадцать. Семнадцать оскорблений». Я ускорила шаг, пришла в класс раньше всех и ждала в темноте.

Головной шарф – он как бы двухсторонний. С одной стороны, из-за него меня в основном и травят. С другой – окружающим невдомек, что я тайно слушаю музыку.

Под шарфом наушников не видно.

А музыка – она помогает. Под нее легче перемещаться по кампусу; под нее не так тошно сидеть одной. Никто не догадывается, что у меня плеер включен – значит, никто не требует его выключить. Сколько раз меня учителя отчитывали, а я не их слушала, а музыку. Она стала для меня чем-то вроде экзоскелета – поддерживала, когда собственные мои кости отказывались служить опорой. Айпод я стащила у брата еще в прошлом году, не успел он эту штуковину купить. В класс входила, словно под саундтрек к триллеру про себя саму. Как ни странно, было в этом что-то обнадеживающее.

Начался урок. Учитель распинался, как в телевизоре с выключенным звуком. Мысли блуждали. Я поглядывала на часы, мечтала смыться. Пустоты в голове заполняла сегодня группа «Fugees». Я вертела пенал, любовалась механическими карандашами. У меня к ним слабость. Четыре переезда назад была у меня подруга, она путешествовала по Японии и оттуда привезла хорошенький наборчик – разноцветные карандаши, с блеском, с очень тонкими стержнями, с прикольными ластиками, а на коробке нарисована овечка и написано: «Не раскрашивай меня только потому, что я овца». По-моему, очень необычно и остроумно. И вот вспоминала я тот набор и улыбалась, как вдруг меня толкнули в плечо. Причем довольно сильно.

– Чего надо?

Я почти крикнула – от неожиданности, конечно.

Развернулась и увидела парня с перекошенной физиономией.

– Чего надо? – повторила я, теперь уже раздраженно.

Он начал говорить, но я, понятно, его слышать не могла. Достала айпод из кармана и нажала на паузу.

– Ничего себе! – Парень смущенно улыбнулся. – Ты музыку тайком слушаешь!

– Ты что-то хотел?

– Нет, нет. Я случайно тебя зацепил. Книжкой. Извини, пожалуйста.

– О'кей.

Я отвернулась и снова включила музыку.

Все шло своим чередом.

Мое имя коверкали. Учителя не знали, куда меня определить. Математик, глядя мне в лицо, пять минут распространялся на тему «Не любишь Америку – катись откуда приехал». Я в это время таращилась в учебник. Потом несколько дней квадратное уравнение из головы не шло.

Никто из ребят со мной так и не заговорил. Если не считать парня, случайно задевшего меня учебником.

Я сама перед собой притворялась, что мне параллельно.

Домой вернулась с чувством облегчения, но грустная. Ежедневное возведение стен вокруг собственного сердца ужасно изматывало, в конце дня я бывала как выжатый лимон. Меня даже трясло. Пыталась успокоиться, пока шла к дому. Только чуть высвободила голову из липкого, тяжелого тумана, как рядом затормозил автомобиль, и некая автоледи громко сообщила мне, что я теперь в Америке – значит, и одеваться должна, как принято в Америке. А меня только и хватило, что средний палец ей показать. Всю злость в школе израсходовала.

«Еще два с половиной года», – вот что вертелось в голове.

Вырваться из паноптикума, именуемого старшей школой, избавиться от чудовищ, именуемых почему-то людьми, можно будет только через два с половиной года. А до тех пор – терпеть это сборище идиотов. Потом, когда я поступлю в колледж, все наладится. Мне бы продержаться.

Родители у меня отличные, таких еще поискать. Гордятся своим иранским происхождением; гордятся тем, что вкалывают ради нас с братом. Тем, что переезды – неизменно к лучшему. Район поболагполучнее, дом попросторнее, школа попрестижнее, перспективы пошире. У родителей не жизнь – борьба. Без передышки. Меня они любят, тут сомневаться не приходится. А вот до моих страданий им дела нет. Никогда не было. Потому что они, страдания, – пустячные. Да, именно так.

Ни папа, ни мама ни в одну мою школу не ходили, с учителями не разговаривали. Когда одноклассник мне в лицо камнем швырнул, мои родители его матери не пожаловались. Тот факт, что меня третируют из-за имени/национальности/вероисповедания, родителей не волнует. По сравнению с тем, как третировали их самих, мои переживания – ничто. Будь у них в свое время все, как у меня, они бы с песней просыпались, точно жаворонки; почему ты, Ширин, не просыпаешься с песней, а? Подумай о папе: он в шестнадцать один-одинешенек покинул родину, подался в Америку; и так ему приходилось тяжело, что война во Вьетнаме светлым пятном помнится.

Поначалу я еще жаловалась маме – а она, бывало, погладит меня по головке и давай рассказывать про свое, про войну, про переворот и как ей в пятнадцать лет темя рассекли камнем прямо на улице, а подружку ее лучшую вообще вскрыли, будто рыбину, все кишки наружу выпустили. А я – о пустом... Ела бы лучше овсяные колечки да радовалась, неблагодарное американское дитя!

Что оставалось делать? Я ела колечки «Чириоз». Молча.

Родителей я люблю. Нет, правда. Но про обиды им лучше не рассказывать. Сочувствия все равно не дождешься. В их понимании я – везучая; еще бы, мои учителя только говорят гадости – а от слов какой вред? Не то что от действий.

Вот я и замкнулась.

На вопросы о школе отвечаю односложно. Прилежная девочка. Учю уроки. Много читаю. Сама знаю, какое это клише – одинокий подросток-книгочей; но день, когда брат бросил мне на стол «Гарри Поттера», небрежно сказав: «Вот, в школе наградили. Подумал, тебе понравится», – тот день стал одним из лучших в моей жизни. Немногие друзья, существующие во плоти, а не на книжных страницах,

регулярно переходят в разряд воспоминаний, тускнеющих с невероятной скоростью. При переездах вечно что-то теряется, это неизбежно. С потерей вещей можно смириться; человека, друга потерять тяжелее. Вывод: не привязывайся.

Я стараюсь не привязываться. Не ищу общества.

В отличие от брата. Тот всегда в центре событий. В детстве мы очень дружили. А потом, в одно прекрасное утро, брат проснулся и понял, что он хорош собой, а я – нет. Мало того: я людей отпугиваю. Мы отдалились друг от друга. Никто не виноват, просто само собой так вышло. У брата всегда было и есть кого навестить, чем заняться; всегда в резерве девчонка, которой можно звякнуть. У меня – ничего подобного. Брату я симпатизирую. Я его даже люблю. Он славный парень, когда не выпендривается.

Первые три недели в новой школе прошли спокойно. Рассказывать о них особо нечего. Рутинка. Тоска. В контакт я вступала только при крайней необходимости, говорила исключительно по делу. Основное время занимала музыка. И книги. И журнал «Вог». Денег на модную одежду, понятно, у меня нет; зато я умею шить. По выходным я обходила секонд-хенды, выискивала стильные штучки, которые вписались бы в тот или иной образ, и после перешивала, перелицовывала их. Правда, со швейной машинкой я обращалась на уровне неуверенного пользователя. Большую часть работы выполняла вручную. Ломала иглы и нещадно колола пальцы, ходила вся в пластырях. Учителя на них косились и воображали, наверно, всякие ужасы. Я смущалась. Была еще только середина сентября; я берегла душевные силы, растягивала их на долгий учебный год.

Пришла домой после очередного изматывающего дня в паноптикуме. Плюхнулась на кушетку. Родители еще не вернулись. Где околачивался брат, я не знала. Со вздохом включила телевизор и размотала шарф. Сняла с хвоста тугую резинку, запустила пальцы в волосы. Поудобнее устроилась среди подушек.

Показывали «Мэтлока». Не стесняюсь признать: обожаю этот сериал, даром что ему сто лет в обед. Точнее, его сняли, когда я еще даже не родилась. Мэтлок – пожилой дорогуший адвокат, он распутывает сложнейшие дела и получает за каждое кучу денег. Сейчас «Мэтлока» смотрят одни старики; но меня это никогда не смущало. Потому что я сама – старуха в девичьем теле; так мне, по крайней мере, кажется. Мэтлок для меня – самый подходящий герой. Для

максимального комфорта требовалась только пиала чернослива с яблочным соусом. Я собиралась уже отвлечься от сериала и пошарить в холодильнике, когда хлопнула дверь. Брат пришел.

Ну, пришел; ну и что? Крикнул «привет». Я отозвалась без особого энтузиазма. Потому что «Мэтлок» – он захватывающий. Проворонишь момент – потом трудно будет разобраться.

– Ширин, ты слышишь?

Я неохотно повернула голову. В дверном проеме стоял брат.

– Я говорю, друзей привел, – объявил он, и, прежде чем я успела что-либо сообразить, в гостиную шагнул незнакомый парень. Я подскочила с кушетки так резко, что даже пошатнулась. Зашипела:

– Какого черта, Навид?

Схватила шарф. Он был широкий и легко драпировался, но меня застали врасплох, и я возилась несколько секунд, пока наконец-то покрыла голову. Незнакомый парень осклабился и выдал:

– Не парься. Я гей процентов на восемьдесят.

– Поздравляю. Только дело не в тебе, – огрызнулась я.

– Это Биджан, – произнес брат, еле сдерживаясь, чтобы не заржать в голос.

Биджан был иранец, в этом сомневаться не приходилось. Я глазам не верила: оказывается, в этом городишке обитают и другие выходцы с Ближнего Востока! Навид тем временем перестал сдерживаться. Он смеялся мне в лицо. Наверно, я очень нелепо выглядела – смущенная, с неопрятным сооружением на голове.

– Это Карлос, а это Джакоби... – продолжал брат.

– Всего хорошего, – бросила я и едва ли не взлетела на второй этаж.

Несколько минут я металась по комнате, вся пунцовая, злясь на себя и на брата. Затем рассудила: ситуация, конечно, вышла неловкая, но не до такой степени, чтобы мне теперь отсиживаться в спальне без еды, выжидать, пока уберутся приятели Навида. Я заплела волосы, а шарф не стала закалывать и закреплять, как сделала бы для выхода на улицу. Я просто покрыла им голову, оставив длинные концы свободно лежать на плечах. И спустилась на первый этаж.

Заглянула в гостиную. Все четверо сидели на кушетке и ели. Похоже, опустошили и холодильник, и буфет. Оказалось, чернослив у нас таки был – и в изрядных количествах. Скоро не будет. Еще бы – по стольку сразу в рот запихивать.

– А, пришла, – заметил меня Навид.

– Пришла.

Парень, поглощавший чернослив, на секунду отвлекся.

– Ты, значит, и есть младшая сестренка?

Я скрестила руки на груди.

– Это Карлос, – представил брат. – А это Джакоби. – Он кивнул на здоровенного чернокожего парня.

Джакоби не удостоил меня взглядом, только вяло помахал. Он был занят – лопал нугу на розовой воде, которую прислала из Ирана мамина сестра. Даже не понимал, что? лопают.

В очередной раз удивилась юношескому аппетиту. Возмутилась до потери дара речи. Навид, единственный из четверых, не ел. Он пил этот свой мерзкий протеиновый шейк.

Биджан смерил меня взглядом и заметил:

– А вот так ты гораздо лучше выглядишь.

Я прищурилась.

– Долго у нас прогостите, ребята?

– Не груби, – бросил Навид. Он не глядел на меня – ползал на четвереньках, налаживал старый видик. – Побудут еще. Хочу им «Брейк-данс» показать.

Вот это было неожиданно.

«Брейк-данс» – один из моих любимых фильмов.

Сейчас и не вспомню, когда началось буйное помешательство. Кажется, мы с Навидом с рождения обожали смотреть брейк-данс по видео. Все равно – художественные фильмы или баттлы; все равно, снятые в Штатах или в любом другом уголке мира. Пожалуй, любовь к брейк-дансу, подзабытому сегодня танцу, нас с братом и связывала. Как бы я или Навид ни провели день, вечер у нас был общий, и он проходил под ритмы брейка. Этот диск мы пару лет назад откопали на блошином рынке и посмотрели минимум двадцать раз.

– Зачем им «Брейк-данс»? – спросила я, усевшись в кресло, подобрав под себя ноги. Этого я не пропущу; буду смотреть вместе с приятелями Навида. Потому что люблю «Брейк-данс» даже больше, чем «Мэтлока». – Так я говорю, Навид, зачем ребятам «Брейк-данс», а?

Брат улыбнулся.

– Затем, что я – мы – создаем команду.

– Серьезно?

Я ушам не верила.

Мы с Навидом столько раз говорили: вот бы создать команду, вот бы заняться брейком по-настоящему, выучиться, участвовать в баттлах... Однако никаких шагов мы не предпринимали. Команда оставалась мечтой.

Навид поднялся с пола. Улыбка стала шире. Определенно, он заметил мое волнение. Спросил:

– Ширин, ты с нами?

– Конечно, черт возьми! – выдохнула я.

В это самое мгновение вошла мама. Стукнула меня по затылку деревянной ложкой. Прошипела:

– Фош надех. – Не сквернословь.

Я потерла затылок.

– Черт, мама! Больно же!

Последовал второй удар.

– Черт!

– Это кто такие? – спросила мама, указывая на ребят.

Навид стал перечислять всех поименно. Мама уставилась на снесь, разложенную на кушетке. Покачала головой.

– Иин чи? – Это что? Добавила по-английски: – Это не еда.

– А больше ничего нету, – объявил брат. И, в общем-то, не преувеличил.

Покупать полуфабрикаты, снеки и тому подобное – не про наших родителей. Чтобы у нас печенье или чипсы в доме водились? Вот уж нет! В качестве перекуса мама обычно давала мне огурец.

На комментарий Навида мама только вздохнула и отправилась в кухню. Но сначала выдала на фарси: она, мол, столько лет учит детей стряпать, и хоть бы раз они ее с работы встретили каким-никаким обедом, а если обеда и завтра не

будет, она, честное слово, выдерет и дочь, и сына. Подозреваю, шутки в этих причитаниях было максимум сорок процентов.

Навид закатил глаза, я собралась хихикнуть, но мама вдруг спросила:

– Ширин, как дела в школе?

Смеяться сразу расхотелось. Мама, разумеется, спрашивала не про общественную работу; маму интересовали мои успехи в учебе. Мой табель. Учебный год меньше месяца назад начался, а ей табель подавай!

– Отлично, – сказала я.

Мама кивнула и, вечная хлопотунья, исчезла в кухне.

Я обернулась к брату:

– Ну так что насчет команды, Навид?

– Завтра после занятий собираемся.

– А если нам кого из учителей удастся заинтересовать, – начал Карлос, – у нас будет настоящий клуб прямо в кампусе.

– Здорово! – просияла я.

– Еще бы не здорово, – отозвался брат.

Тут я спохватилась. Помрачнела.

– Есть одно «но». Мелкая мелочь, о которой ты, Навид, забыл.

Брат приподнял брови.

– Что еще за мелочь?

– Кто нас будет учить?

– Да я же и буду, – снисходительно улыбнулся Навид.

Тут нужны подробности. У моего брата есть настоящая скамья для пресса. Он ее на свалке нашел, починил, счистил ржавчину, заново покрасил краской-спреем. Скамья занимает половину комнаты. Постепенно брат собирал еще и целую коллекцию гирь и гантелей. Таскает это добро из города в город. Обожают качаться. И бегать. И боксировать. Ходил на гимнастику, пока родители не сочли, что занятия слишком дороги. Подозреваю, заветная мечта Навида – стать персональным тренером. Над собой он с двенадцати лет работает. Здорово преуспел. Весь из мускулов, без жировой прослойки. Откуда я знаю? Навид меня держит в курсе, регулярно отчитывается, какой у него процент жира. Однажды я его похвалила, а он пощупал мое предплечье и говорит: «Неплохо, но можно бы и покрепче мускулы иметь». И с тех пор я под его руководством тоже качаю пресс.

Вот почему я сразу поверила: Навид отлично выучит нас брейк-дансу.

Только я еще не знала, как все повернется.

Глава 3

Что я особенно ненавижу в школе – в старшей школе, – так это биологию. Потому что на биологии, на практических занятиях, нужен партнер. Потому что со мной никто работать не желает. И это кошмарно. Нет, ну дерьмовая же ситуация, когда шепчешь учительнице: «У меня нет партнера, а можно я одна буду?» А она с нежной улыбкой говорит: «Нельзя»; полагает, что великую милость оказывает, прикрепляя тебя к паре, которая всегда без третьего лишнего работала и дальше так же хочет...

На этот раз вышло иначе.

На этот раз небеса разверзлись, и Бог даровал просветление нашей учительнице, и та велела разделяться на пары по принципу «кто с кем рядом

сидит». Так и получилось, что свежеватьдохлую кошку мне выпало вместе с парнем, который в первый школьный день задел меня учебником.

Звали его Оушен.

Кто бы мне в лицо ни взглянул – сразу прикидывает, что имя у меня странное. А у этого парня внешность Кена, бойфренда куклы Барби; вот бы кому самое тривиальное имя. Так нет же.

– У меня родители с прибабахом, – объяснил Оушен.

Я пожала плечами.

Шкуру с кошки мы снимали в полном молчании. Действительно, кому охота болтать, когда такую гадость делаешь? Мертвая плоть чвокает под скальпелем. Воняет формальдегидом. Мысль всего одна: до чего ж дебильная программа в этом учебном заведении и кому это надо – сдерживать рвотные позывы еще целых два месяца, терзая все один и тот же кошачий трупик...

– Сейчас я должен бежать, давай после школы закончим, – прошептал Оушен.

Мне показалось, он эту фразу выдал внезапно. Не сразу я сообразила: Оушен уже некоторое время что-то говорил, что-то объяснял. Просто у меня руки дрожали, и скальпель дрожал, и я только о скальпеле и думала.

– Что? – переспросила я.

Он черкнул в лабораторной тетрадке.

– Нам ведь надо еще отчет написать о сегодняшних изысканиях. – Оушен покосился на часы. – А сейчас будет звонок. Вот я и предлагаю: давай после школы закончим. Согласна?

– Что? Нет, после школы я не могу.

Его уши чуть порозовели.

– Вот как? Ну да. Конечно. Извини, я не подумал, что ты... что тебе... что тебя не выпускают...

– Офигеть! – Я расширила глаза. – Нет, ну просто офигеть! – тряхнула головой, вымыла руки. Вдохнула.

– В каком смысле?

– Слушай, я не знаю, что ты там навоображал про меня и мою жизнь, но имей в виду: мои родители не собираются менять дочь на отару коз. Понял?

– На стадо коз, – поправил Оушен, чуть кашлянув. – Отара бывает овец, а козы...

– К черту коз, – отрезала я.

Он смутился.

– Просто у меня дела после занятий, – продолжала я.

– Вот как...

– Поэтому надо придумать другой вариант. О'кей?

– Да. Конечно. А что у тебя за дела?

Я уже запихивала вещи в рюкзак, вопроса не ожидала. Уронила пенал. Наклонилась за ним. Выпрямилась. Оушен все еще смотрел на меня.

– А тебе не все равно?

Он заерзал на стуле.

– Нет. Не знаю. Я просто...

Я задержала на нем взгляд. Проанализировала ситуацию. Пожалуй, я слишком резка с этим Оушеном, сыном прибабахнутых родителей. Я сунула пенал в

рюкзак, дернула «молнию». Вскинула рюкзак на плечи. Пояснила:

– Я занимаюсь брейк-дансом.

Оушен умудрился разом и нахмуриться, и улыбнуться.

– Это шутка, да?

Я закатила глаза. Прозвенел звонок.

– Все, мне пора.

– А как же лабораторная, Ширин?

Помедлив, взвесив варианты, я написала ему номер своего мобильного.

– Вот, можешь прислать эсэмэс. Сегодня разрулим.

Он уставился на бумажку.

– Только не увлекайся, – добавила я. – Будешь эсэмэсить без удержу – придется взять меня в жены. Так моя вера велит.

Оушен побледнел.

– Что-что?

Я еле сдерживала улыбку.

– Мне правда пора идти, Оушен.

– Да подожди ты. Я серьезно. Ты сейчас пошутила, так ведь?

– Ну сколько можно! – Я потрянула головой. – Все, пока.

Брат, как и обещал, нашел препода, согласного на затею с брейк-дансом. К концу недели клуб получил статус официального. Впервые за годы учебы я участвовала в школьной жизни; это было странно. Внеклассная деятельность как-то не вязалась с моим восприятием себя.

И все равно я была на седьмом небе.

Мне всегда хотелось чем-нибудь таким заниматься. Лучше всего, конечно, брейк – моя давняя любовь. Помню, я смотрела выступления девичьих команд. Как они мне нравились, эти девчонки! Такие ловкие, такие классные. А главное – сильные. Хорошо бы на них походить, думала я. Только брейк-данс – не балет; клуб в «Желтых страницах» не найдешь. Ни в одном из прежних городишек не было школы брейк-данса. И престарелые танцоры не писали объявлений: мол, даю уроки, согласен на оплату аутентичными персидскими яствами. Если бы не Навид, мне бы и сейчас никакая учеба не светила. Навид, оказывается, уже два года занимался; он мне накануне вечером тайну раскрыл. Я как посмотрела – просто ахнула. Для меня мечты о брейке оставались словами; для брата – руководством к действию. Он здорово преуспел. Прямо гордо за него стало. И досадно на себя.

Навид рискнул – и у него получилось.

Я-то думала, наши вечные переезды вообще никаким планам не оставляют места. Никогда ни в какие сообщества не вступала, ни в какие школьные клубы. Ни разу не купила школьный альманах. Не сохранила ни единого телефонного номера, не запомнила ни единого названия улицы; вообще ничем, с моей точки зрения, лишним не обременила память. Смысл? Все равно переедем. Навид с тем же самым переездным кошмаром справлялся иначе. Тренировался втихую. Объяснил: выжидал подходящий момент. Этот год у него – выпускной, вот Навид и решил: пора. Потом – колледж; все изменится. Нет, правда, таким братом можно гордиться.

Я вошла, помахала сразу всем.

Нам отвели одну из школьных танцевальных студий. Приятели Навида так на меня и уставились, будто раньше не видели. Оценивали.

– Значит, ты тоже брейк танцуешь? – уточнил Карлос.

– Да нет пока, – смутилась я.

– Скромничает, – пояснил брат. Выступил вперед, улыбнулся мне. – У Ширин апрок очень приличный и футворк четко получается.

– Но я не умею выполнять силовые элементы, – сказала я.

– Не страшно. Я тебя научу.

Я и задумалась: зачем брат это делает? Заметил, что мне одиноко, и хочет подбодрить? Может, я и навоображала, но впервые за долгое время брат будто снова стал моим близким другом. Оказывается, мне его дружбы не хватало; ох как не хватало.

Еще одна подробность: Навид страдает дислексией. Проблемы начались в средней школе. Навид заваливал все предметы подряд. Я не сразу поняла, что мы с ним ненавидим школу по разным причинам. Для брата слова и буквы не имели смысла. Не выстраивались. Не звучали. А сказал он мне об этом только за два года до этих событий, когда над ним нависла угроза исключения из школы.

Точнее, не сказал, а проорал.

Мама велела мне с ним заниматься – делать домашние задания.

Репетитора мы себе не могли позволить. Я была, мягко говоря, не в восторге. Натаскивать старшего брата – вот новость! Я иначе себе свое свободное время представляла. Тем более что брат натаскиваться не желал. Просто отказался делать домашнее задание. Я разозлилась.

– Ты чего? – шипела я. – Это же элементарно! Прочитай параграф и кратко изложи содержание. Всего в паре фраз. Не ракету ведь изобретаешь.

Брат сказал: «Не буду».

Я сказала: «Будешь».

Он ответил: «Нет».

Я его придурком обозвала.

Он тоже меня обозвал.

Я в долгу не осталась.

– Ответь на чертов вопрос! Что, так трудно? Ты чего ленивый такой?! Извилины не хватает или как?

Тут-то Навид и взорвался.

В тот день я узнала, что мой старший брат – такой красивый, такой популярный – не видит смысла за написанными словами. Что на чтение коротенького абзаца может потратить тридцать минут – и все равно не уяснит, о чем там написано. И пересказать не сможет. Что не свяжет и двух слов. Что изложение своих мыслей на бумаге стоит ему нечеловеческих усилий.

Я стала учить брата.

Мы занимались ежедневно часами, сидели допоздна – и вот однажды Навид сумел составить внятную фразу. Еще через несколько месяцев он осилил сочинение целого абзаца. Через год самостоятельно написал реферат. И никто не догадывался, что все это время задания за брата делала я. Доклады, рефераты, сочинения, лабораторные и домашние работы – все висело на мне, пока Навид не выучился справляться сам.

Принятие меня в команду, наверно, было его благодарностью.

То есть, скорее всего, не было. Я ошибалась, однако других объяснений не видела. Остальные ребята – Джакоби, Карлос, Биджан – раньше состояли в брейк-данс-командах. У них имелся опыт. Конечно, ни один из них не мог считаться экспертом, но не был и новичком. Со мной предстояло возиться, что явно раздражало всех, кроме Навида.

Больше остальных досадовал Карлос. Так и сверлил меня взглядом. На лице ясно читалось: «Толку из этой девчонки не будет». Для пущей убедительности Карлос свои соображения озвучил. Без злости. Просто констатировал факт.

– Откуда такая уверенность? – спросила я.

Он пожал плечами. Я заметила: он смотрит не столько на меня, сколько на мой прикид.

Я успела переодеться после уроков. Спортивной одежды у меня было мало – всего-то укороченные штанишки и тонкая фуфайка с капюшоном. Но я еще и сменила головной убор. Вместо пашмины завязала тюрбаном легкий шарф из чистого хлопка. На него-то Карлос и глядел с подозрением.

Наконец не выдержал.

– Ты что, сможешь танцевать брейк с такой конструкцией?

Я расширила глаза. Впрочем, могла бы и не удивляться. С чего я взяла, что эти трое существенно умнее всех остальных?

– А тебе-то что? Гадость сказать захотелось, так?

Карлос хохотнул.

– Не обижайся. Просто никогда не видел, чтобы брейк в тюрбанах танцевали.

– Ах не видел! – Я вся кипела. – Я вот не видела, чтобы ты эту свою шапку снимал. Сними, а потом будешь критиковать мой тюрбан.

Карлос такого не ожидал. Снова хохотнул, на сей раз громче и немного нервно. Сдернул шапку, провел рукой по черным тугим спиралькам волос. Спиральки были длинноваты, постоянно падали ему на лоб. Шапка вернулась на место.

– Вот, теперь довольна? Извини, ладно? Ну что, мир?

– Пусть будет мир.

– Нет, правда, прости. – Извиняюсь, Карлос почему-то улыбался. – Seriously. Мне неловко. Глупость сморозил. Ты права. Я придурок.

– Безусловно.

Навид над нами угорал. Внезапно все четверо стали мне ненавистны.

Джакоби потрянул головой, бросил:

– Черт!

– Козлы вы, вот вы кто, – сказала я.

– погоди, – встрял Биджан. Резко свел ноги, будто получил удар в причинное место. – Ты несправедлива, Ширин. Мы с Джакоби вообще ни слова не сказали!

– Зато подумали, – парировала я.

Биджан осклабился. Меня несло.

– Навид, ты в курсе, что с козлами связался?

– Ничего, я из них людей сделаю, – ответил брат.

Отобрал у Карлоса бутылку с водой. Карлос легко поддался. Все еще смеясь, он подошел ко мне (я сидела на полу), протянул руку – дескать, давай помогу подняться.

Я приподняла бровь.

– Прости, Ширин, – повторил Карлос.

Я приняла помощь. Ухватила за его руку, легко вскочила.

– Вот и славно, – сказал он. – А теперь, может, покажешь свой хваленый футворк?

До вечера я училась выполнять простейшие элементы: стойку на руках и пушапы. Пыталась отточить апрок. Вообще-то в брейке основные движения делаются на полу; поэтому к апроку, который и есть собственно танец, особое внимание. Апрок – он вроде визитной карточки; с него начинается представление, им заводишь зрителей, прежде чем, фигурально выражаясь, начать собственно брейк со всеми его силовыми элементами, в целом называемыми «даунрок».

Апрок я выполняла базовый. Элементы футворка знала только самые простые, двигалась легко, но стиля своего не имела. Правда, у меня врожденное чувство ритма; оно помогало синхронизировать движения с музыкой. Но этого было недостаточно. Лучшие брейк-дансеры все до единого имеют свой стиль, а я танцевала без изюминки. Сама знала; но ребята не преминули мне на этот факт указать. Мы говорили свободно, как и положено членам одной команды; обсуждали, чего нам не хватает, на что следует сделать упор. Я сидела, откинувшись назад, фиксируя положение руками. Внезапно Навид коснулся моих пальцев и сказал:

– Ну-ка, ну-ка, покажи запястья.

Я подчинилась.

Навид принялся сгибать мои кисти, а потом выдал:

– У тебя очень пластичные запястья. – Отогнул кисть назад под прямым углом, спросил: – Так не больно?

Я отрицательно покачала головой.

Брат улыбнулся, сверкнул глазами.

– Будем учить тебя крабику. Крабик станет твоей личной фишкой.

Глаза у меня сами собой вытаращились. Крабик! Выглядит так же странно, как и звучит. Такое на физкультуре не освоишь. Подобно большинству элементов брейка, крабик, кажется, придуман был, чтобы бросить вызов законам гравитации. Для него необходимы физическая сила и идеальный вестибулярный аппарат. А суть в том, чтобы встать на руки (причем одним локтем практически вонзиться себе в бок) и идти по кругу с поднятыми ногами. Да-да, на руках.

Это трудно. Реально.

– Супер, – сказала я.

Отличный день выдался. Лучшего у меня в старшей школе не бывало.

Глава 4

Дома я появилась около пяти. Когда уже заканчивала принимать душ, услышала – мама зовет ужинать. Меня ждала куча сообщений от Оушена. Поначалу он просто волновался, потом стал дергаться; но я, не ответив и двух слов, спустилась в кухню. Ужин прежде всего, так считают мои родители. Когда речь об ужине, простительно отложить даже и домашнее задание. Подождет и Оушен.

Папа, мама и Навид – все уже сидели за столом. Папа глядел в ноутбук, подключенный к Интернету через кабель. Провод валялся на полу. Поправив очки, папа жестом подозвал меня. Оказалось, он изучал рецепт маринования огурцов.

– Мибини? – произнес папа. Видишь? – Очень просто.

Мне так не казалось. Я дернула плечом. Папа обожает все виды деятельности и меня втягивает в свои проекты. Я не сопротивляюсь, совсем наоборот. Это были наши с папой дела, наши секретики.

В первый раз папа взял меня в магазин строительных материалов, когда мне было девять. Я думала, мозги взорвутся. С тех пор бредила этим магазином.

Стала копить деньги не на тетрадки от Лизы Фрэнк[2 - Основательница одноименной марки одежды, обрела популярность в 80-е годы XX века на письменных принадлежностях и наклейках в неоновых цветах.], а на кусок фанеры. Зачем мне сдалась фанера? Ну а вдруг я из нее сделаю что-то шедевральное? Позднее папа научил меня шить. Я возилась со слишком длинными джинсами, папа увидел и провел со мной целый вечер, показал, как правильно подрубать штанины, чтобы не обтрепывались.

Еще папа научил меня колоть дрова. И менять шины.

Правда, иногда его мозг работает слишком быстро, я за ним не поспеваю. Папин отец, мой дедушка, был архитектором; некоторые из самых красивых зданий в Иране построены по его проектам. Папа, похоже, унаследовал дедушкин склад ума. Книги он прочитывает с потрясающей быстротой. Куда бы ни шел, ни ехал – книжка обязательно при нем. Гараж у папы мигом превращается в мастерскую. Он перебирает старые двигатели – не ради денег, а для развлечения. Или, к примеру, наш обеденный стол – папа сам его сделал, причем в своем любимом датском стиле – хюгге. Или вот: когда мама решила вернуться в школу, ей понадобилась вместительная сумка, и папа сказал: «Обойдемся без фабричных». Изучил модели. Купил кожу. И сшил сумку сам, вручную. С тех пор у него на трех пальцах шрамы – нож сорвался.

Зато вышло очень романтично, как папа и рассчитывал.

Что? у нас на ужин, я еще с лестницы унюхала. Рис басмати и фесенджан. Запахи заполнили весь дом. Фесенджан – паста из тертых грецких орехов и гранатовых зерен. С моих слов – нелепое месиво; на самом деле – нечто изумительное. Обычно его делают с курятиной, но моя покойная тетя придумала опускать в орехово-гранатное пюре тефтели на один укус, и рецепт стал нашим семейным, названным в честь тетушки. Также мама приготовила закуски – маринованные овощи и йогурт с чесноком, а папа, как всегда по вечерам, напек лепешек. Еще на столе лежали свежая зелень, редиска и сыр фета. И стояли две пиалы – с финиками и с грецкими орехами. На плите пытел чайник для кипятка, на нем грелся меньший чайник – заварочный.

В нашей семье, как и свойственно иранским традициям, процветает культ еды. Любая трапеза – повод собраться всем вместе. Ни мне, ни Навиду не разрешается и никогда не разрешалось пренебрегать этим ритуалом. Неважно, что там показывают по телевизору, неважно, какие у нас планы. Извольте

сидеть за общим столом, остальное подождет. Я считала, так у всех. Только пару лет назад, когда к нам в гости пришел приятель Навида, поняла: нет. Очень немногие семьи придают еде такое значение. Тот приятель подумал – мы ненормальные. На самом деле фесенджан, закуски, орехи, финики и чай – это минимум яств, которые должны быть на столе. «Минимумом» мы обходимся, когда у родителей не хватает времени и когда мы ужинаем без гостей. Готовить каждый день, собираться вместе для нас норма. Иначе и дом – не дом.

К себе я поднялась только в девятом часу. Оушен уже буквально паниковал.

Не без презрения к его тревоге я стала читать эсэмэски.

Ты где?

Это Оушен

Надеюсь, я не перепутал номер

Это Оушен, твой партнер по лабораторке, помнишь?

Уже поздно, беспокоюсь, что не успеем к завтрашнему утру

Ты где?

Сотовый телефон мне купили всего несколько месяцев назад. Я долго канючила и умоляла – все уже год как ходили с телефонами, – и вот родители повели меня в салон связи, и я стала обладательницей простенькой «Нокии». Родители выбрали тариф «Семейный», означавший лимит минут и сообщений для каждого из нас. Эсэмэски особенно меня смущали. Эта услуга недавно появилась, и я долго не могла с ней разобраться. Желая подразнить брата, я послала ему тридцать сообщений подряд, превысила наш общий месячный лимит, что стоило родителям дополнительных расходов. Расплатившись по счету, папа и мама пригрозили: буду баловаться – отберут телефон. Слишком поздно я поняла: платить надо не только за исходящие, но и за входящие сообщения.

Одного взгляда на череду эсэмэсок от Оушена хватило, чтобы составить представление о его банковском счете.

Я написала:

Ты в курсе, что смс дорого стоят?

Оушен ответил немедленно.

Привет

Я думал ты не отзовешься

Извини за перебор с смс

У тебя есть доступ в AIM[3 - Программа мгновенного обмена сообщениями была популярна в США в 1990-2000-х годах.]?

Давно бы так. Я-то планировала общаться с Оушеном именно через эту программу. Некоторые используют MSN – службу мгновенных сообщений; большинство предпочитают проверенный, единственно надежный магический портал, которым и являлась AIM. У меня никогда не получалось шагать в ногу с техническим прогрессом. Я знала, есть счастливые обладатели компьютеров «Эпл» и цифровых фотоаппаратов; у нас же в доме функционировала линия DSL, а доисторический комп к Интернету подключался под настроение, что казалось мне настоящим чудом. Пятнадцать минут я настраивала своего «старичка», и вот наконец мы с Оушеном вышли на связь. Наши имена высветились в квадратном окошечке. С удивлением я обнаружила, что Оушен обходится без дурацкой аватарки.

riversandoceans04[4 - Так называется композиция швейцарской группы «Potergeist».): Привет

jujehpolo: Привет

Полезла в его профиль. Рефлексивно. Снова удивилась. Профиль оказался чист. Ну, почти чист.

Там было написано «андроид-параноик». И больше ничего.

Чуть не улыбнулась. Не «Radiohead» ли он цитирует? Вряд ли. Просто я люблю эту рок-группу, вот мне и мерещится. У меня самой в профиле болтался целый список композиций, которые я слушала на прошлой неделе:

1. Differences, by Ginuwine
2. 7 Days, by Craig David
3. Hate Me Now, by Nas
4. No Surprises, by Radiohead
5. Whenever, Wherever, by Shakira
6. Pardon Me, by Incubus
7. Doo Wop, by Lauryn Hill

И тут меня как током стукнуло: Оушен-то, наверное, сейчас в моем профиле шарит!

Я похолодела.

И поскорее удалила весь контент. Не знаю, что на меня нашло. Почему вдруг стало страшно: как же, Оушен узнает, какую музыку я люблю! Сможет в душу ко

мне проникнуть. Точнее, вторгнуться.

Высветилось новое сообщение:

riversandoceans04: Где ты целый день пропадала?

jujehpolo: Извини

jujehpolo: Была реально занята

jujehpolo: Только что увидела твои смс

riversandoceans04: Ты и правда брейк танцевала после уроков?

jujehpolo: Да

riversandoceans04: Круто.

На это я не отреагировала. Не знала как. Отвернулась, чтобы взять рюкзак. В это время компьютер дважды звякнул: новое сообщение. Я убавила звук. Подошла к двери, убедилась, что она заперта. Стало не по себе. Что же получается? Я общаюсь с парнем, и не где-нибудь, а в собственной спальне. Я общаюсь с парнем в собственной спальне. Коварная штука этот AIM.

riversandoceans04: Слушай, извини, что я такую чушь подумал – что тебя после школы никуда не пускают.

Двойное звяканье.

riversandoceans04: Зря я это написал

Я вздохнула.

Оушен из кожи лез – выказывал дружелюбие. Мало того: он в друзья набивался. Вроде как. Нет уж, увольте. Оушен – этакая квинтэссенция, образчик идеального американского бойфренда. Я, может, и злюка, но не слепая. И не привитая против клевых парней. Что Оушен из этой категории, я сразу просекла. Суперклевый. Хорош собой. Правильно одевается. Пахнет правильным парфюмом. Вежливый. Только мы с ним из диаметрально противоположных миров. В моем мире, в моей жизни не место отношениям с этим парнем. Точнее, с ему подобными. Я не позволила себе даже простого удовольствия – забыться на несколько мгновений. Нечего таким мечтам делать в моей голове.

Я по опыту знала, как это опасно.

В большинстве случаев парни помещали меня лишь на одно виртуальное деление выше отметки «объект насмешек»; однако редко, очень редко находились такие, для кого я твердо стояла на отметке «объект восхищения». Бог знает, почему я сама и моя жизнь вызывали у них неподдельный интерес. Этнологический характер такого интереса я принимала за романтический. Попадала в нелепые ситуации, прежде чем уяснить правду: мной не интересуются – насчет меня просто любопытствуют, потому что я диковина. Меня наблюдают с безопасного расстояния, и вовсе не за тем, чтобы тащить в собственную жизнь. Несколько раз я так вляпывалась, и теперь уже меня не разубедить. Я в подруги не гожусь, а в подружки и подавно. Оушен, если бы не биология, не стал бы со мной общаться. Не пригласил бы в свою компанию – и правильно. Чтобы вписаться, мне пришлось бы пройти трансформацию вроде той, что морковка проходит в соковыжималке.

Он рассыпается в любезностях – ну и что? Ясно же – хочет сгладить впечатление от своей дурацкой фразы. На извинениях далеко не уедешь. И вообще, я от них устала.

jujehpolo: Все нормально

riversandoceans04: Нет, не нормально. Я целый день об этом думал.

riversandoceans04: Мне очень стыдно. Прости.

jujehpolo: Простила

riversandoceans04: Понимаешь, я ни разу не говорил с девушкой, которая носит такую штуку на голове.

jujehpolo: Такая штука! Слов нет.

riversandoceans04: Вот видишь! Я даже не знаю, как она называется.

jujehpolo: Шарф

riversandoceans04: Да?

riversandoceans04: Так просто?

jujehpolo: Вот именно

riversandoceans04: Я думал, есть какое-то особое название.

jujehpolo: Может, хватит уже? Давай займемся делом.

riversandoceans04: Ой

riversandoceans04: Да

riversandoceans04: В смысле, конечно

На пять секунд отвернулась достать тетрадку – и вот оно. Дзынь-дзынь. Новое сообщение.

riversandoceans04: Прости

riversandoceans04: Я не хотел, чтобы тебе было неловко.

jujehpolo: Мне нормально

jujehpolo: Может, это тебе неловко?

riversandoceans04: Что? Нет.

riversandoceans04: Мне нормально

riversandoceans04: Ты в каком смысле?

jujehpolo: В том смысле, что из-за моего шарфа могут быть проблемы.

jujehpolo: Я, по-твоему, слишком странная?

Оушен не отвечал целых двадцать секунд, которые мне показались вечностью. Только этого не хватало. Наверно, я слишком разошлась. Нагрубила. Оскорбила с намерением. Он сам нарвался. Нечего было извиняться сто раз подряд. Нормальные люди так не делают.

Не знаю, почему меня его поведение взбесило.

Вместе с досадой я чувствовала и вину. Что, если я действительно обидела Оушена?

Я положила пальцы на клавиатуру. Что написать? Как исправить ситуацию? В конце концов, у нас с Оушеном одна лабораторка на двоих.

Или уже нет? Может, он попросит в партнеры кого-нибудь другого. Прецедент был. Раз меня определили в пару с одной девочкой, так она целый скандал устроила. «Не буду с этой! – кричала. – Не буду, и все!» Перед всем классом. И отбилась – стала работать с подругой. Потому что учительница, размазня,

запаниковала от криков, залепетала: «Ладно, ладно». В итоге я работала одна, униженная до последней возможности.

Наверно, в этот раз я сама себе унижение уготовила.

Наверно, и Оушен завтра в классе взбунтуется. Даже живот заныл от предчувствия.

И тут...

Двойное «дзынь».

riversandoceans04: Ничего подобного.

Я уставилась на экран.

Снова «дзынь-дзынь».

riversandoceans04: Прости меня

Да что у него – комплекс вины?

jujehpolo: Все нормально

jujehpolo: Извини за резкость. Ты ведь просто старался быть вежливым.

jujehpolo: Я оценила

jujehpolo: Спасибо

Протянулись еще пять секунд.

riversandoceans04: О'кей

Я вздохнула. Спрятала лицо в ладонях. Выходит, вся неловкость – из-за меня. Все было хорошо, совершенно нормально – и тут я влезла, наворотила дел. Способ все исправить – только один. И применить его нужно прямо сейчас. Я втянула побольше воздуха и написала:

jujehpolo: Если хочешь, можешь выбрать себе другого партнера на биологии.

jujehpolo: Я пойму

jujehpolo: Я сама могу завтра сказать миссис Чу.

riversandoceans04: Что?

riversandoceans04: Зачем?

riversandoceans04: Ты не хочешь со мной работать, да?

Я нахмурилась.

jujehpolo: О'кей. Не понимаю, что происходит.

riversandoceans04: Я тоже

riversandoceans04: Так ты хочешь работать со мной на биологии?

jujehpolo: Конечно

riversandoceans04: О'кей

riversandoceans04: Я рад

jujehpolo: О'кей

riversandoceans04: Извини

Нет, положительно, у меня от этой переписки уже мигрень.

jujehpolo: А сейчас-то за что извинить?

Пауза в две секунды.

riversandoceans04: Уж и не знаю

Меня смех разобрал. Я решительно не понимала, что происходит. Почему он все время извиняется, почему конфузится? Не знаю и знать не хочу. А чего мне хотелось, так это забыть про Оушена Джеймса, парня с двумя именами вместо имени и фамилии. Совсем забыть, будто его никогда и не было. Я с ним пообщалась не больше часа и ни о чем – и вот, пожалуйста: спальня полна им, он в нее вторгся, разместился в моем личном пространстве – и волнует.

Скверно. От этого странные ощущения.

А вот стану-ка я проще.

juhehpolo: Давай отчетом займемся, ладно?

Снова пауза.

riversandoceans04: Давай

И мы занялись отчетом.

Только что-то между нами изменилось, а что конкретно – я не представляла.

Глава 5

У Навида были нулевые уроки, он всегда уезжал в школу на час раньше меня. Утром заглянул ко мне – хотел забрать диск, который я у него стащила. Я красила ресницы, когда брат забарабанил в дверь и громко потребовал не только диск, но и айпод. Я ответила, что мне айпод гораздо нужнее, что в школе без него не обойтись. В пылу спора распахнула дверь, что ввергло Навида в столбняк. Брат оглядел меня с ног до головы, чуть расширил глаза.

– В чем дело?

– Ни в чем.

Я его впустила. Отдала диск. Он продолжал таращиться.

– Да чего ты вылупился?

– Так просто. Здорово выглядишь.

Я приподняла бровь. Розыгрыш он затеял, что ли?

– Новый прикид, да, Ширин?

Не то чтобы новый. Свитер, например, я давно уже носила. А вот джинсы откопала в секонд-хенде и только накануне закончила доводить до ума. Они были мне сильно велики, зато деним – супер; я просто не могла упустить такую вещь, да еще и за пятьдесят центов.

– Джинсы новые, – сказала я.

Брат кивнул.

– Отлично сидят.

– Да, неплохо. А чего у тебя лицо такое?

Навид пожал плечами.

– Лицо как лицо. Джинсы классные. Только, знаешь, по-моему, они того... слишком тесные. Не привык видеть на тебе такое.

– Все бывает в первый раз.

– Слушай, я лично «за». Фигуру подчеркивают.

– Дальше.

– В смысле, ты в них клевая.

Брат продолжал ухмыляться.

– Хватит уже ходить вокруг да около. В чем дело?

– Ни в чем. Я подумал, ма не понравится, что у тебя задница так туго обтянута.

Я закатила глаза.

– Если ей не понравится, никто не заставляет смотреть.

Навид рассмеялся.

– Иногда ты так одеваешься... Странно как-то. Одно к другому не подходит. Дезориентируешь людей.

Он указал на мою голову, еще не покрытую шарфом. Я поняла, к чему он клонит. Поняла, что старается не навязывать свое мнение. И все-таки мне стало досадно.

Всем почему-то кажется – а парни еще и любят это соображение доносить до всеобщего сведения, – что мусульманки носят головные платки из скромности, из стремления скрыть свою красоту. Знаю, знаю: для некоторых это правда. Но в целом я не согласна. Конечно, за всех мусульманок не скажу – да и кто скажет за всех? – только я лично считаю: женскую красоту не спрячешь. Женщина великолепна в любой одежде. И не обязана объяснять свой выбор.

Женщины все разные. Что удобно одним – неудобно другим. Но прекрасна – каждая.

Есть, правда, чудовища, по принуждению которых женщины напяливают нечто вроде картофельных мешков – и мигом становятся темой статьи или выпуска новостей. И вот эти выродки задают тон; из-за них всех мусульманок меряют одной меркой. Меня лично никто ни о чем не спрашивал – окружающие были уверены, что ответ им известен. Сразу говорю: он неправильный. Я прячу волосы под шарф не потому, что в монашки подалась, а потому, что это комфортно. В шарфе я менее уязвима; он вроде брони. Но это – личный выбор. Я совсем не думаю об искушении, в которое вид моих волос может ввергнуть какого-нибудь придурка, ведомого по жизни исключительно половым инстинктом. С трудом верится? Так ведь женщинам верить вообще не принято. С древних времен.

Вот это-то меня и бесит.

Короче, я выставила брата. Не его дело, как джинсы на мне сидят. Задница – моя, и штаны тоже мои.

Навид стал мямлить:

– Да я не про то... я совсем другое имел в виду...

– Нечего мне зубы заговаривать, – отрезала я и захлопнула перед ним дверь.

Затем подошла к зеркалу. Джинсы и впрямь выглядели супер.

Тянулись дни, похожие один на другой.

Если не считать тренировок, в школе все было по-прежнему. За две недели ничего не изменилось. Кроме Оушена. Он стал иначе себя вести с того первого – и единственного – общения онлайн.

Оушен теперь слишком много говорил.

Например: «Ну и погода сегодня!» Или: «Как ты выходные провела?» Или: «Слушай, ты уже подготовилась к пятничному тесту?» Каждый раз я искренне удивлялась. Глядела на Оушена с секунду, отвечала: «Да, ничего погодка». Или: «Хорошо провела». Или: «Нет, еще не подготовилась». Он улыбался и бросал следующую реплику: «А я знал, я прогноз смотрел». Или: «Я рад за тебя». Или: «Серьезно? А я всю неделю над книжками сижу». Я не реагировала. Давала беседе сойти на нет.

Наверно, получалось невежливо. Мне было все равно.

Просто Оушен – реально красивый парень. Понимаю: красота на мотив для неприязни не тянет. Но это кому как. Лично мне хватало за глаза. Его присутствие меня напрягало. Я не желала говорить с ним. Не желала узнавать его ближе. Боялась запасть на него. На такого, как он, западешь – не успеешь охнуть. И добром такое не кончится. Во всяком случае, для меня. Ну и зачем мне проблемы?

Взять сегодняшний день. Оушен усиленно вытягивал из меня слова. Это было объяснимо; непринужденная болтовня очень уместна, когда препарировешь кошачий трупик.

– Ты на матч пойдешь? – спросил Оушен после целого часа напряженного молчания.

Я вздрогнула. Подняла взгляд. Усмехнулась. Отвернулась. Вот еще – отвечать на нелепые вопросы! Этим матчем (кажется, футбольным) с командой выпускников мне всю неделю мозги полоскали. Группа поддержки тренировалась ежедневно; я, разумеется, не участвовала. Вдобавок имел место некий конкурс сплоченности, что бы под этим ни подразумевалось. Кажется, сегодня я должна была надеть что-нибудь зеленое. А может, синее. И не надела.

Потому что в школе с ума сходят из-за ерунды.

– Я смотрю, ты в общественной жизни совсем не участвуешь? – произнес Оушен.

Ему-то что за дело?

– Нет, – ответила я. – Я в общественной жизни не участвую.

– Вот как!

Порой мне хотелось быть с Оушеном помягче; может, я бы и была, только он здорово меня нервировал своим дружелюбием. Оно казалось фальшивым. Выпадали дни, когда Оушен из сил выбивался, заглаживая свою первую ошибку – тот намек, что родители меня вот-вот в гарем продадут. Оушен словно цеплялся за любую возможность доказать: он не какой-нибудь ограниченный обыватель. Как будто я и сама не заметила, насколько расширились его горизонты. Всего две недели назад он считал, что я после уроков сижу взаперти, а сейчас удивляется, как это я не прыгаю в группе поддержки. Было что-то неестественное, что-то подозрительное и в столь быстрой смене мнения, и в суетливости, с какой Оушен это свое новое мнение демонстрировал.

Я вырезала кошачье сердце, собрала рюкзак. Хватит с меня на сегодня.

К танцевальной студии я подошла рановато. Толкнула дверь – заперто. Ключ был у Навида, а Навид еще не освободился после уроков. Я села на пол. Ничего, подожду.

Что баскетбольный сезон со следующего месяца начинается, я знала. Не могла не знать – от постеров в глазах рябило. Почему же сейчас в спортзале такой шум? В честь чего такие вопли? Свист? Скрип кроссовок по полу? Что там происходит? Я никогда не интересовалась спортом. Громоподобный топот из спортзала только раздражал меня. От него и стены не спасали.

Когда наконец явился Навид и мы пятеро оказались в студии, то просто включили музыку на максимум. От грохота баскетбольных мячей стены вибрировали. Я сосредоточилась на брейке. В паре с Джакоби и под его руководством я оттачивала футворк.

Базовые шесть шагов я давно освоила. Термин без подтекста; это действительно шесть шагов, движений, выполняемых на полу: опираешься на руки, двигаешь ногами – описываешь нечто вроде круга. Шесть шагов обычно предваряют набор силовых элементов, или пауэрмув, у которых очень много общего с акробатикой. Все, наверно, видели тренировки на снаряде под названием «конь»? Так вот, пауэрмув на порядок эффектнее. Вообще брейк сильно похож на капозйру – афробразильское боевое искусство. В капозйре широко используются махи ногами и вращения, а пинок вражеской задницы выглядит одновременно устрашающим и элегантным.

Короче, брейк – разновидность капозйры.

Джакоби мне показывал, как украсить шесть шагов. Была такая команда би-боев – «Крейзи командос»; вот они и разработали особые элементы в футворке. Дополнительная нагрузка на ноги, зато смотрится интереснее. Я занималась усердно, освоила стойку с опорой на обе руки и старалась выполнить тот же элемент с опорой лишь на одну руку. Джакоби за мной наблюдал, видел мои усилия, мои падения. Наконец, у меня получилось. Джакоби даже в ладоши захлопал.

Засиял весь.

Выдал: «Молодчина!»

Я, вымотанная, распласталась на полу, точно медуза. Сил хватило только на улыбку.

На самом деле элемент тоже из категории базовых. Детских. Но я собой гордилась.

Джакоби помог мне подняться, стиснул мое плечо.

– Здорово поработала. Правда-правда.

Я ему улыбнулась.

Затем стала искать взглядом бутылку с водой – а нашла Оушена.

Он стоял в дверях. Не в студии и не в коридоре, а как раз на границе. Прислонился к притолоке, спортивная сумка на ремне сместилась на грудь. Оушен помахал мне рукой.

Сконфуженная, я оглянулась. Может, он машет вовсе и не мне. Тогда он рассмеялся. Делать нечего – пришлось идти к нему. Оказалось, кто-то нарочно открыл дверь и припер стулом, чтобы она не закрывалась и свежий воздух поступал, а то в студии порой дышать нечем.

Другое дело, что до сих пор наша распахнутая дверь не привлекала посторонних.

– Привет, – сказала я. – Какими судьбами?

Оушен тряхнул головой. Мне показалось, он удивлен еще больше меня.

– Шел мимо, услышал музыку. Думаю: что такое?

Я приподняла бровь.

– Значит, просто шел? Мимо?

– Ну да. – Он улыбнулся. – Тут же рядом спортзал. Я там занимаюсь. Много. Но мне и не снилось, что я тебя увижу. Музыка прямо грохочет.

– Угу.

– Я решил, лучше поздороваться, чем молча стоять. А то получалось, будто я подсматриваю.

– Правильное решение. – Я хмурилась. Не верила Оушену. – То есть ты не насчет лабораторки?

Оушен отрицательно качнул головой. Под моим пристальным взглядом судорожно перевел дыхание и выдал:

– Получается, ты меня не разыгрывала. Насчет брейк-данса.

Я усмехнулась. Оушену достался еще один скептический взгляд.

– А ты думал, я врать буду? О таких вещах?

– Н-нет... – Оушен вдруг стал мямлить. – Я просто... не знаю... Я не думал... В смысле...

– Ну-ну.

– Это твои друзья, да? – Оушен ловко сменил тему.

Уставился на Джакоби. Тот, в свою очередь, телепатировал мне: «Что еще за тип? Чего ему надо?»

– Ага, друзья, – ответила я.

– Здорово.

– Конечно. Слушай, мне пора заниматься.

Оушен кивнул. Расправил плечи.

– Мне тоже.

Мы попрощались. Наши «до встречи» прозвучали на редкость неуклюже. Как только Оушен исчез за поворотом коридора, я закрыла дверь.

Остальные ребята не видели, как я разговаривала с Оушеном. А Джакоби не преминул спросить, что за парень и зачем он приходил. Я ответила: ничего особенного, партнер по биологии, уточнял задание. Сама не поняла, почему не сказала правду.

Просто все мои чувства смешались.

Глава 6

Между тем жизнь в новом городе обрела устойчивый ритм.

Страх остаться в изоляции постепенно таял. Я никого не шокировала, нет. Меня воспринимали как нечто неприятное, но не новое – хочешь не хочешь, а терпи. Правда, некоторые с явным удовольствием бросали мне вслед слово «Талибан»; правда, периодически я получала анонимное письмо с приказом убираться восвояси; правда и то, что отдельные ученики по поводу и без толкали речь: мол, такие, с полотенцами на головах, недостойны жить в этой стране. Во всех случаях я старалась не раздражаться. Убеждала себя: не беда, привыкну. Где-то я вычитала, что человек ко всему привыкает.

К счастью, были занятия брейк-дансом, они здорово отвлекали.

Мне все нравилось: музыка, движения, сама история брейк-данса. Началась она в семидесятых годах в нью-йоркском районе Южный Бронкс. Постепенно брейк-данс распространился до самого Лос-Анджелеса. В чем-то он копирует хип-хоп, но вообще-то является хип-хопом продвинутым, усовершенствованным. А самое интересное – брейк-данс в первое время использовался как альтернатива дракам. Группировки воевали за контроль над городскими территориями, но не колотили друг друга и не использовали поножовщину – они шли команда на команду – и танцевали. Поэтому и до сих пор соревнования по брейк-дансу называют баттлами. В команде каждый должен выступить с собственной программой.

Победа достается лучшему би-бою – или лучшей би-герл.

Я старалась изматывать себя. В школьной студии тренировалась почти каждый день. Если же студия была занята, мы с ребятами распластывали картонные коробки где-нибудь в малолюдной аллее или на парковке, включали музыку – и делали свое дело. По выходным Навид будил меня ни свет ни заря и гнал на десятимильную пробежку. Разумеется, он и сам бегал. Мы пыхтели бок о бок. Брейк-данс предполагает огромные физические нагрузки, зато дарит радость. В моем случае брейк-данс выполнял и еще одну важную функцию – отвлекающую. Заполняя практически все мое свободное время – и практически все мысли, – брейк не давал заикливаться на придурках, щедро рассеянных по новой школе.

На уроках я скучала.

Как получать высшие баллы, давно придумала. Мой секрет успеха был прост: главное – не заморачиваться. Не обращай внимания на соучеников, плюй на чужое мнение, на рейтинги, на дух соревнования – и все будет тип-топ. Еще несколько лет назад я догадалась: все эти факторы ведут к нервному срыву. Научилась забывать. События, характеры, лица – все стирала, будто ластиком. Кто моя первая учительница? Как звали учителя в третьем классе? Не все ли равно?

Школьный распорядок и мамина деревянная ложка, которая регулярно прохаживалась по моему затылку, удерживали меня от прогулов. Я посещала школу, выполняла задания, терпела массовые проявления микроагрессии, задававшие тон каждому дню. Я не тряслась из-за баллов, якобы прокладывающих дорогу в престижный университет – знала, что на таковой у нас нет денег. Не пыталась пролезть в классы с углубленным изучением[5 - Имеется в виду программа, разработанная советом высших учебных заведений для США и Канады. Она включает 36 дисциплин, которые в старшей школе преподаются на уровне первого курса университета. Баллы по этим дисциплинам учитываются при поступлении в большинство вузов.] – просто не видела разницы между ними и обычными классами. Не рвала нервы из-за АОТов[6 - Академический оценочный тест для приема в вузы США, состоит из трех разделов – анализа текста, математики и эссе.] – потому что кому они нужны? Точно не мне.

Не знаю почему, только мне всегда казалось, я выпущусь нормальным человеком, несмотря на усилия слишком многих школ искалечить мою личность. За это предчувствие я каждый день и цеплялась. Твердила про себя: «Еще два с половиной года». Совсем немного – и можно будет попрощаться с системой, живущей по звонку. Кстати, здесь и звонки не звонят.

Они пищат.

С такими мыслями я отделила очередной слой мокрой кошачьей шкуры от слоя мокрых кошачьих мышц. Ну почему я должна вот этим заниматься? Скорей бы в студию. Крабик у меня уже прилично получается – не далее как вчера я научилась стоять на локтях. Интересно, за ночь не разучилась? Первый мой баттл – в выходные; вдруг ударю в грязь лицом, причем буквально?

Покончила с препарированием. Стащила перчатки, швырнула в мусорку. Вымыла руки. До сих пор никто серьезного открытия не сделал; хорошо бы и дальше так. Правда, одна группа обнаружила, что их кошка скончалась беременной – в ее матке нашли нерожденных котят.

В очередной раз спросила себя: чья была светлая мысль насчет препарированиядохлых кошек?

– Твоя очередь, – сказала я Оушену.

Его поведение за последнюю неделю существенно изменилось.

Он перестал говорить со мной в классе.

Не задавал вопросов типа «как прошли выходные?» или «как вечер провела?». После сцены в дверях танцевальной студии Оушен мне и двух слов не сказал. А ведь уже несколько дней минуло. Правда, я часто ловила его взгляды. Ну и что? На меня вечно таращатся. Оушен, по крайней мере, не пялился в открытую, и у него хватало скромности обходиться без комментариев. И на том спасибо. Пусть лучше смотрит исподтишка, чем с подкупающей непосредственностью кретина выдает свои соображения обо мне.

Впрочем, я бы солгала, заявив, что молчание Оушена меня совсем не задевало.

В первые дни я думала, что раскусила его; теперь моя уверенность как-то рассеялась. Оушен казался совершенно обычным парнем, сыном совершенно обычных родителей. Такие кормят детей супами из категории «Просто добавь воды», врут про Санта-Клауса, все вычитанное из учебников истории принимают за чистую монету и до смерти боятся выражать чувства.

Не то что мои папа и мама.

Консервы, это чудо западной научной мысли, казались мне вкусными исключительно потому, что в нашем доме были под запретом. Все продукты, даже базовые, вроде хлеба, родители готовили сами. Мы не праздновали Рождество; правда, один раз родители сжалились надо мной и Навидом – подарили коробку конвертов. Что касается ужасов войны и колониализма, их мне живописали задолго до того, как я выучила алфавит. С выражением чувств у родителей проблем тоже не возникало. Наоборот, ни папа, ни мама не упускали случая, чтобы разобрать тот или иной мой «прискорбный недостаток».

Мое мнение об Оушене оказалось ошибочным, а новое, правильное, составить не получалось. Меня бесило не столько это обстоятельство, сколько сам факт, что оно меня бесит. В конце концов, я ведь хотела, чтобы Оушен молчал; он и молчит. Я своего добилась. Он меня игнорирует. Но вот спрашивается: почему?

Как бы то ни было, я считала молчание Оушена благом.

Но сегодня кое-что изменилось. Сегодня, после полнейшей двадцатиминутной тишины, Оушен вдруг подал голос.

– Что у тебя с рукой?

Накануне вечером я распарывала шов кожаной куртки. Нож сорвался, я поранила левую руку между большим и указательным пальцами. Сейчас на этом месте красовался пластырь.

Я встретила взгляд Оушена.

– Портновская травма.

Он наморщил лоб.

– Портновская травма?

– Портной, – принялась объяснять я, – это человек, который шьет одежду. Так вот, я шью себе одежду.

Оушен смотрел непонимающе.

– То есть покупаю винтажные вещи и потом перешиваю их. – Я продемонстрировала исколотую руку. – Еще учусь. Отсюда и травмы.

– Ты шьешь себе одежду?

Глаза Оушена чуть расширились.

– Ну, не всю...

– Почему?

Я усмехнулась. Вопрос резонный.

– Потому, что не могу купить вещи, которые реально нравятся.

Оушен продолжал таращиться.

– Ты о моде вообще имеешь представление?

Он покачал головой.

– Ясно. – Я попыталась улыбнуться. – Не каждому дано.

Я же думала, что мне-то как раз дано.

У Александра Маккуина недавно вышла осенняя коллекция, и мама вняла моим мольбам – повела меня в торговый центр, где новинки уже продавались. Я до них не дотрагивалась. Просто стояла и смотрела.

Александр Маккуин казался мне гением.

– погоди, ты что, вот это вот со своими кедами сама сотворила? Нарочно?

Я опустила взгляд. На мне были простые белые найковские кеды – только разрисованные. Рюкзак я тоже разрисовала. И папки для тетрадей. Под особое настроение я запиралась в спальне, включала музыку и бралась за краски. Покрывала узорами все подряд. Иногда просто давала волю рукам и воображению, а в последнее время стала экспериментировать с тэггингом[7 - Тэггинг (от англ. tag – подпись) – вид граффити, представляющий собой быстрое, без отрыва руки нанесение подписи на какую-либо поверхность.], потому что тэггинг похож на сильно стилизованную арабскую вязь. В отличие от Навида, я не помечала общественную собственность. Ну, разве что пару раз.

– Разумеется, нарочно, – с неохотой проговорила я.

– Здорово.

Теперь уже я откровенно рассмеялась – такое было у него выражение лица.

– Нет, правда, – смутился Оушен. – Мне нравится.

Я выдержала паузу. Бросила:

– Спасибо.

– У тебя ведь еще одна расписная пара есть, так? – уточнил Оушен.

– Так. А ты откуда знаешь?

– Ты сидишь передо мной. – Оушен поймал мой взгляд. Он едва заметно улыбался. Использовал вопросительную интонацию. – Уже целых два месяца. Вот я на тебя и смотрю. Каждый день.

Я округлила глаза. Нахмурилась. Однако вспылить не успела.

– В смысле, – Оушен тряхнул головой и скосил глаза, – я не то имел в виду. Не подумай, я на тебя не пялюсь. Просто я тебя вижу. Перед собой. Черт! – выругался он почти беззвучно и явно в свой адрес.

– Ладно, проехали. – Я рассмеялась. Прозвучало зловеще. – Все в порядке.

Тем и кончилось. До самого звонка Оушен ничего существенного не сказал.

Глава 7

Я запихивала в шкафчик учебники, а оттуда тащила спортивную сумку – и вдруг по коридору пошел нарастающий гул. После занятий в школе обычно бывало тихо и безлюдно. Я напряглась. Не подумав, обернулась.

Чирлидерши.

Три девушки. Все прехорошенькие и реально клевые. Правда, они были не в чирлидерских форменных юбчонках, а в облегающих спортивных костюмах, но сомневаться не приходилось. Кстати, чирлидерши никогда, ни в одной школе меня не травили. Даже уничижительного взгляда не достаивали. Я для них не существовала. А значит, и подвоха не ждала.

Увидев этих трех, я сразу отвернулась к шкафчику.

Только подхватила сумку – раздалось «привет».

Я была уверена: здороваются не со мной. Но если даже и со мной, так только потому, что выдумали новый изощренный способ сказать гадость. Поэтому я не отозвалась. Заперла шкафчик на кодовый замок и пошла прочь.

– Эй, подожди!

Я не реагировала. Однако нервничала: определенно, окликали меня; а для чего – я знать не желала. Единственные четыре человека, которым было до меня дело, ждали сейчас в танцевальной студии; значит, у этих на уме оскорбление. Ясно как день.

– Ширин!

Я похолодела. Вот новости. Как правило, тем, кто меня травил, мое имя было неизвестно.

Я замедлила шаги. Затем встала вполоборота.

– Привет!

Оушен. Вроде сердитый.

Усилием воли я стерла с лица удивление.

– У тебя телефон выпал. Вот, держи.

Он и впрямь протягивал мой мобильник.

Я уставилась на его ладонь. На его лицо. Я решительно не понимала, с какой целью мироздание нас сталкивает. Но не рычать же на Оушена за то, что он такой честный – потерю возвращает.

Я взяла телефон и сказала «спасибо».

Он как-то странно посмотрел – вроде я его и огорчила, и позабавила. Ничего не ответил. И все бы ладно, да только взгляд Оушена длился на три секунды дольше, чем мне казалось правильным.

Я глубоко вдохнула. Хотела уже прощаться, но тут его окликнули по имени. Я подняла взгляд. Ну конечно. Одна из чирлидерш.

Я постаралась скрыть удивление. Просто ушла, без единого слова.

В тот вечер не могла заснуть. Наверно, на тренировке переутомилась. Подперлась подушкой, стала строчить в дневнике. Без дневника я ни шагу.

Описываю каждый день в подробностях. Как только подробность случилась, берусь за карандаш. Бывает, даже на уроках. А уж на большой перемене – обязательно. В моем дневнике столько информации, что для него ни один тайник не хорош. Поэтому я всюду ношу его с собой. Особенно я боюсь, что дневник обнаружит мама. Не преминет прочесть; узнает, что дочка у нее дефективная, да еще и религиозными догмами пренебрегает. Этак и аневризму недолго заработать. Короче, я держу дневник при себе главным образом ради маминого спокойствия.

В тот вечер я никак не могла сконцентрироваться.

Все поднимала взгляд на экран компьютера – он, выключенный, чуть мерцал в приглушенном свете. Я колебалась. Час ночи. Все давно спали.

Я отложила карандаш.

Скажу пару слов о компьютере. Он у меня чуть ли не на полкомнаты. Мамино творение. Вот как Франкенштейн вдохнул жизнь в своего монстра, так и мама, пройдя переквалификацию по программированию, смонтировала эту громадину из элементов давно негодных компов и презентовала мне – мол, повелевай.

Поспешно – вдруг передумаю – я включила комп в сеть.

Он громко загудел, ослепил вспыхнувшим экраном, зажужжал процессором, стал качать воздух, как астматик. Жесткий диск пощелкивал, я раскаивалась: что это мне взбрело, среди ночи? Я слышала о родителях, которые позволяют детям не спать до зари, но никогда таковых не встречала. Зато достаточно изучила собственных родителей. Им до всего дело, они на страже – правда, у них на то веские причины. Мы с братом благонадежностью не отличаемся. Уж конечно, родители услышат гул, ворвутся в спальню и силой загонят меня под одеяло.

Я ждала, кусая губы.

Заторможенный комп наконец-то раскопегарился. Десять минут на это ушло. Еще десять понадобилось, чтобы подключиться к Интернету. Старый упрямец иногда тупил просто необъяснимо. А я... я дергалась. Что я делаю? Зачем? Ответ помигивал на задворках подсознания.

Доступ в AIM я получала автоматически, при подключении к Интернету. Сразу заметила: из моих немногочисленных онлайн-собеседников сейчас на связи только один.

Сердце гулко застучало, я подскочила со стула. Вот же дура! Я этого парня совсем не знаю. Зато знаю другое: никогда он не испытает ко мне даже намека на интерес. И тем не менее продолжаю торчать в чате. Дура набитая.

Нет, хватит. Не стану посмешищем. Ни за что.

Я отвернулась от экрана, чтобы выключить компьютер из сети, чтобы покончить со всем этим раз и навсегда. И тут...

Дзынь-дзынь.

Дзынь-дзынь.

Дзынь-дзынь.

riversandoceans04: Ну и ну

riversandoceans04: Ты онлайн

riversandoceans04: Тебя же никогда онлайн нет

Палец, которым я собиралась нажать на кнопку «Отключение», словно окоченел.

Дзынь-дзынь.

riversandoceans04: Привет!

Я села к столу.

jujehpolo: Привет

riversandoceans04: Привет

riversandoceans04: Почему не спишь?

Я начала печатать «Не знаю»; спохватилась: ответ слишком предсказуемый. Надо иначе.

jujehpolo: Не спится потому что.

riversandoceans04: Понятно

riversandoceans04: Можно тебя спросить?

Мне стало жутковато.

jujehpolo: Спрашивай

riversandoceans04: Что значит твой ник?

От облегчения – Оушен ведь мог задать реально скользкий вопрос – я чуть вслух не рассмеялась.

jujehpolo: Это на фарси. «Джюдже» значит «маленький», но еще так называют цыплят.

jujehpolo: «Поло» значит «рис».

jujehpolo: Пишу и сама понимаю, до чего глупо звучит. Просто это семейная шутка. Меня прозвали джюдже, потому что я младшая; а курица с рисом – это еда. Плов. Национальное иранское блюдо.

jujehpolo: Как-то так

jujehpolo: Обычное прозвище.

riversandoceans04: Нет, я понял. Здорово.

riversandoceans04: Значит, ты иранка?

jujehpolo: Да

riversandoceans04: Круто. Обожаю иранскую кухню.

У меня брови так и взлетели. Вот не ожидала.

jujehpolo: Серьезно?

riversandoceans04: Ну да. Хумус люблю.

riversandoceans04: И фалафель.

Ну, все с ним ясно.

jujehpolo: Хумус и фалафель – не иранские блюда.

riversandoceans04: Правда?

jujehpolo: Правда

riversandoceans04: Я не знал

Закрыла лицо ладонями. Затряслась от отвращения к себе. Какого черта я делаю? Зачем веду идиотский разговор? Наверно, потому, что сама – идиотка. Неужели я включила комп ради вот этого?

jujehpolo: Слушай, я, пожалуй, лягу спать.

riversandoceans04: Да, конечно

Я уже напечатала «Пока», хотела нажать «Ввод», но...

riversandoceans04: погоди еще минуту

Я колебалась. Удалила написанное. Заново набрала:

jujehpolo: Ну, что?

riversandoceans04: Может, просветишь насчет настоящей иранской еды? Когда-нибудь?

Слишком долго смотрела в экран. В первую секунду подумала – Оушен меня на свидание приглашает. Во вторую секунду включился инстинкт, и он-то, умница, напомнил: смазливые белые парни не связываются с диковатыми мусульманками вроде меня. И все же я была заинтригована.

Оушену требуется экскурс в тайны иранской кухни? Лекция о жизненном укладе моего народа? Или что? Я решила спросить напрямую.

jujehpolo: Ты о чем? Не понимаю.

riversandoceans04: Хочу отведать настоящей иранской еды

riversandoceans04: Есть тут иранские рестораны?

jujehpolo: Не смеди

jujehpolo: Откуда?

jujehpolo: Разве что наша кухня с мамой в роли шеф-повара.

riversandoceans04: А если я попрошусь к вам на ужин?

Я чуть со стула не грохнулась. Нет, каково!

jujehpolo: Ты хочешь прийти ко мне домой и поужинать с моими родными?

riversandoceans04: А разве нельзя?

jujehpolo: Да как тебе сказать...

riversandoceans04: Ой

riversandoceans04: В смысле, нельзя?

jujehpolo: Не знаю

Чуть не пробуравила монитор взглядом.

jujehpolo: Спрошу родителей.

riversandoceans04: Отлично

riversandoceans04: Спокойной ночи

jujehpolo: И тебе

jujehpolo: Спокойной ночи

Ну и что это сейчас было?

Глава 8

Все выходные обходила комп стороной.

Заканчивался октябрь. Почти за два месяца я так и не освоилась в школе, не завела друзей. Хотя от одиночества не страдала. Это было ново. Еще одно непривычное ощущение – постоянная загруженность. Мало того, у меня вдруг появились планы. Выходило, что я таки готовлюсь к будущему.

В тот вечер мы собирались на баттл.

Пока что как зрители. И все равно меня потряхивало от волнения. Еще бы. Совсем скоро наша команда вольется в местное брейк-данс-сообщество; мы этого ждали и волновались – как дальше будет? Может, после ряда тренировок и мы сумеем участвовать в городских баттлах? Может, выйдем на региональный уровень; может, дотянем до баттла на первенство штата. Может – как знать? – дело дойдет и до международных соревнований?

Такие дерзкие у нас были мечты. Как ни странно, они полностью одобрялись папой и мамой.

Наши родители немножко консерваторы, немножко традиционалисты, но в отдельных аспектах они на удивление прогрессивные. И даже клевые. Правда, у них на все двойные стандарты. Например, родители трясутся надо мной – как же, я ведь девушка, хрупкая и ранимая, не то что мой брат. Значит, для меня установлен комендантский час, для меня существуют два списка – дозволенного и недозволенного. Нет, родители не запрещают и никогда не запрещали мне ходить в кино и в гости и тому подобное; но каждый раз они требуют подробного отчета, они желают знать, куда именно я отправилась и когда конкретно вернусь. Навиду гораздо вольготнее живется. Если он приходит за полночь, родители всего-навсего сердятся. А вот я однажды опоздала домой на час – кто ж мог предвидеть, что первый фильм Поттерианы продлится три часа? – и застала маму на грани истерики. Она, бедная, не знала, разрыдаться или сразу меня убить. Реакция меня здорово смутила, ведь моя социальная активность всегда была столь низка, что ее и активностью-то не назовешь. Я никогда не ходила на вечеринки и не пила спиртного. Зато с компанией любила зависнуть в гипермаркете «Таргет», закупить всякой дешевой ерунды и отправиться на автостоянку разукрашивать чужие машины.

Не дай бог, мама проведала бы.

Обратной стороной занятий брейк-дансом стало вот что: родители ослабили надзор. Конечно, я ведь со старшим братом, который любому врежет за сестренку. А не знали они вот чего: у нас с Навидом система давно отлажена. Если мне требовалось отлучиться по заведомо неблагоприятной надобности, брат меня прикрывал. А я прикрывала его.

Наvidу как раз стукнуло восемнадцать. Будучи старше меня, он пользовался и большей свободой. Всегда где-нибудь да подрабатывал; начал совсем мальчишкой. Успел накопить на айпод и на автомобиль. Осуществил главную

подростковую мечту. Стал гордым владельцем «Ниссана Сентра» восемьдесят восьмого года. Просто в один прекрасный день прикатил домой на этом «Ниссане», лихо затормозил перед моим носом, едва не наехав мне на ногу. Думаете, с тех пор моя задница по утрам комфортно располагалась на пассажирском сиденье? Ничего подобного. У Навида почти всегда был нулевой урок; а после занятий находились дела поинтереснее, чем доставлять сестру домой.

Зато сегодня дивный зверь вез нас прямиком в новую реальность. Туда, где у меня будет новое прозвище, где моя личность заиграет свежоотшлифованной гранью. Где я стану настоящей би-герл. Ведь куда лучше называться би-герл или брейк-танцовщицей, чем Этой-в-Полотенце.

Баттл превзошел мои самые смелые ожидания. Конечно, я и раньше смотрела баттлы – по видею. Однако вживую – совсем другое дело. Площадка была сравнительно небольшая – кажется, в переоборудованной картинной галерее; зрителей – битком, словно сигарет в пачке. Они распластывались по стенам, втискивались в дверные проемы, лишь бы освободить место в центре. Энергетику можно было пальцами пощупать. Музыка отражалась от стен и потолка, басовые ноты били по барабанным перепонкам. И никто на меня не тарачился. Взгляды просто скользили по моим лицу и телу. Мне самой почему-то стало безразлично, как я выгляжу, и во что одета, и куда делись привычные реакции на мой вид. Наверно, все дело в национальном составе зрителей. Справа от меня слышалась испанская речь, слева – китайская. Белых, черных, желтых, смуглых – нас всех привела сюда одна и та же страсть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Старшеклассники в США сами выбирают уровень изучения предметов. Один и тот же учащийся может, допустим, посещать занятия по математике по упрощенной программе, а занятия по химии – по программе углубленного изучения. Понятия «класс как коллектив» не существует, на всех уроках состав учащихся разный, в том числе и по возрасту. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Основательница одноименной марки одежды, обрела популярность в 80-е годы XX века на письменных принадлежностях и наклейках в неоновых цветах.

3

Программа мгновенного обмена сообщениями была популярна в США в 1990–2000-х годах.

4

Так называется композиция швейцарской группы «Potergeist».

5

Имеется в виду программа, разработанная советом высших учебных заведений для США и Канады. Она включает 36 дисциплин, которые в старшей школе

преподают на уровне первого курса университета. Баллы по этим дисциплинам учитываются при поступлении в большинство вузов.

6

Академический оценочный тест для приема в вузы США, состоит из трех разделов – анализа текста, математики и эссе.

7

Тэггинг (от англ. tag – подпись) – вид граффити, представляющий собой быстрое, без отрыва руки нанесение подписи на какую-либо поверхность.

Купить: https://telnovel.com/mafi_tahira/bezdna-mezhdu-nami

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)